

Глава 13

«Невозможно его описать»

Главою Великого посольства в ранге первого посла Петр назначил Лефорта, который теперь наряду с генерал-адмиральским званием носил и чин Новгородского наместника. Два других посла, сопровождавших Лефорта, были русские: Федор Головин, наместник Сибирский, и Прокофий Возницын, Волховский воевода. Головин был одним из первых русских профессиональных дипломатов. В тридцать семь лет он заключил от имени Софьи Нерчинский договор с Китаем⁵⁶, а с тех пор как к власти пришел Петр, находился в числе ближайших сподвижников и единомышленников царя. Ему были вверены иностранные дела России, и со временем он получил звание генерал-адмирала. В 1702 году Головин был произведен в графы Священной Римской империи и сделался, по сути дела, первым министром Петра. Возницын тоже имел за плечами опыт дипломатической службы в русских миссиях в Константинополе, Персии, Венеции и Польше.

Для сопровождения посольства отобрали двадцать знатных вельмож и тридцать пять молодых россиян, которые вслед за волонтерами, посланными в предыдущие месяцы, направлялись в Англию, Голландию и Венецию изучать кораблестроение, навигацию и другие морские науки. Многие из этих дворян и волонтеров были товарищами Петра по потешным баталиям в Преображенском, строили с ним суда в Переславле, ходили в Архангельск и под Азов. Среди них выделялись с детства друживший с царем Андрей Матвеев и дерзкий молодой Александр Меншиков. Кроме того, при посольстве состояли денщики, священники, секретари, переводчики, музыканты (в том числе шестеро трубачей), певцы, повара, кучеры, семьдесят солдат и четыре карлика, всего более двухсот пятидесяти человек. И где-то среди них находился очень высокий темноглазый юноша с крупной родинкой на правой стороне лица, которого остальные называли просто Петром Михайловым. Членам посольства под страхом смерти запрещалось обращаться к нему иначе, открывать, кто он такой, и вообще упоминать, что царь следует с посольством.

Управлять Россией в свое отсутствие Петр оставил регентский совет из трех человек. Первые двое были его дядя Лев Нарышкин и князь Борис Голицын – преданные, надежные, почтенные сановники, которые не оставляли своими советами мать Петра в годы ссылки в Преображенском и возглавили его сторонников в последней схватке с Софьей. Третьим регентом был князь Петр Прозоровский, судья Приказа Большой казны, страдавший странной болезнью: он не мог прикоснуться к чужой руке или даже просто открыть дверь из боязни осквернить себя. Регентскому совету формально подчинялся истинный наместник царя в его отсутствие – князь Федор Ромодановский, командующий четырьмя гвардейскими полками⁵⁷, князь-кесарь Всеянейшего собора. Ромодановский был наделен верховными полномочиями во всех гражданских и военных вопросах и получил строгий наказ поддерживать порядок и самым беспощадным образом подавлять малейшие вспышки недовольства или неповиновения. Алексей Шейн, генералиссимус славной Азовской кампании, остался командовать Азовом, а Бориса Шереметева, отправлявшегося в частную поездку в Рим на три года, сменил на днепровских рубежах князь Яков Долгорукий.

Накануне отъезда посольства, когда Петр веселился на пиру у Лефорта, гонец привез тревожное известие. Как записал в своем дневнике Гордон, «веселый вечер был испорчен вестью о вскрывшемся злоумышлении против Его Величества». Три человека – стрелецкий

⁵⁶ Нерчинский договор 1689 г. – договор России и Китая о границе и торговле. Россия пошла на серьезные уступки Китаю, отдав почти все земли по верховьям Амура и ликвидировав там русские поселения. – *Примеч. ред.*

⁵⁷ Автор ошибся. Ромодановский не командовал гвардейскими полками. Он был руководителем Преображенского приказа – государственного учреждения, который, кроме сыска по политическим делам, ведал также и снабжением двух гвардейских полков всем необходимым. – *Примеч. ред.*

полковник Иван Цыклер и двое бояр⁵⁸ были схвачены по обвинению в заговоре с целью убить царя. Обвинение, однако, не кажется убедительным. Цыклер одним из первых среди Софьиных приверженцев ушел к Троице и предался Петру. За это он ожидал щедрого воздаяния, но так и не дождался; теперь его направляли служить в азовский гарнизон. Раздосадованный полковник, вероятно, слишком открыто высказал свое недовольство. Двое же замешанных в деле бояр были лишь прямодушными выразителями поднимавшейся волны протеста против общего характера петровского правления: царь оставил жену и покинул Кремль; поддерживал позорные сношения с иноземцами из Немецкой слободы; унизил достоинство престола, прошагав на параде в честь победы под Азовом позади колесницы швейцарца Лефорты; теперь и вовсе собрался уехать, чтобы много месяцев пробыть на Западе, среди чужестранцев.

К несчастью, этот ропот разбередил незаживающую рану в душе Петра. Опять стрельцы оказались замешаны в измене! Страх и ненависть вскипели в нем с новой силой. Всех троих обвиняемых подвергли ужасной казни на Красной площади – сначала четвертовали, а потом обезглавили⁵⁹. Мало того, опасения, что их протест может оказаться лишь прелюдией к попытке восстановить у власти Милославских, толкнуло Петра на жуткое, зловещее унижение этого рода. Гроб убитого четырнадцать лет назад Ивана Милославского на санях, запряженных свиньями, выволокли на Красную площадь. Тут открытый гроб поставили под плахой, чтобы кровью приговоренных заливало лицо мертвеца.

Пять дней спустя после этой варварской расправы в Москве Великое посольство отправилось приобщаться к культурным и техническим достижениям западной цивилизации. 20 марта 1697 года длинная процессия посольских саней и подвод с багажом выехала в Новгород и Псков. Тяжело груженные телеги везли пышные шелковые и парчовые наряды, разукрашенные жемчугом и драгоценными камнями, в которых Лефорту и другим послам предстояло появляться на торжественных приемах, большую партию собольих шкурок на покрытие расходов там, где недостаточно окажется золота, серебра или чеков на амстердамские банки, огромный запас меда, копченой лосося и другой рыбы, а также любимый барабан Петра.

Великое посольство пересекло русскую границу и вступило на землю подвластной шведам Ливонии, территория которой примерно соответствовала нынешней Латвии. К несчастью, шведский генерал-губернатор Риги, Эрик Дальберг, оказался совершенно не готов к приему такой многочисленной миссии и особенно высокого гостя, скрывавшегося в ее рядах. В этом был отчасти виноват воевода Пскова, ближайшего к ливонской границе русского города. Ему велели обо всем позаботиться, но в письме к Дальбергу он не упомянул ни о размерах посольства, ни, что еще хуже, о прибытии вместе с ними инкогнито августейшей особы. Дальберг ответил ему формальным вежливым письмом, где говорилось, что все будет сделано, как принято «между добрыми соседями». Он подчеркнул, однако, что обстоятельства вынуждают его оказать гостям лишь скромный прием, так как из-за страшного неурожая провинция оказалась на грани голода. В довершение всех бед шведы по недоразумению еще и разминутись с путешественниками: Дальберг выслал к границе экипажи и почетный эскорт кавалерии, чтобы препроводить царских послов в Ригу подобающим образом, однако вся посольская верхушка, в том числе и Петр, следовала впереди основного каравана и разъехалась с встречающими. Уже возле самой Риги, когда кареты и эскорт наконец догнали послов, шведы вторично произвели церемонию встречи и устроили военный парад, чтобы загладить неловкость.

Если бы эта неувязка осталась единственной и Петр сумел бы, как собирался, проездом миновать Ригу и переправиться через Двину, все еще могло бы обойтись. Но он попал туда ранней весной, когда лед на реке, омывавшей стены города, едва начал ломаться. Моста не

⁵⁸ Сообщниками Цыклера были не бояре – одним был окольный А. П. Соковнин, а другим стольник Ф. М. Пушкин. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ Пушкина просто обезглавили. – *Примеч. ред.*

было, а переплыть реку на лодках мешали громадные льдины. Семь дней пришлось Петру и русской миссии ждать в Риге, пока кончится ледоход.

Петр сгорал от нетерпения и рвался в дорогу, но поначалу был доволен почестями, которые оказывали его послам. Всякий раз, когда они выезжали из цитадели или возвращались назад, гремел салют из двадцати четырех пушек.

Рига, столица Ливонии, протестантский прибалтийский город с высокими тонкими церковными шпилями, островерхими крышами, булыжными мостовыми – город преуспевающих независимых купцов – совершенно не походила на Псков и вообще на Россию, хотя лежала от них неподалеку. Кроме того, Рига была важной крепостью и мощным опорным пунктом шведской империи на Балтике, так что присутствие русского посольства, а особенно любопытного двадцатичетырехлетнего царя, весьма беспокоило хозяев. Как и следовало ожидать, Петр вознамерился обследовать городские укрепления. Рижскую крепость недавно отстроили шведские военные инженеры в полном соответствии с новейшими достижениями западной фортификации. Поэтому она была гораздо мощнее и, следовательно, интереснее для Петра, чем устарелые, незатейливые стены и башни всех русских крепостей, включая и Кремль, или чем те, что Петр штурмовал в Азове. Здесь он увидел одетые камнем бастионы и укрепленные контрэскарпы, созданные по образцу сооружений выдающегося французского инженера Вобана. Петру представилась редкая возможность, и он намеревался как следует ее использовать. Царь взбирался на крепостные валы, делал карандашные зарисовки, измерял глубину и ширину рвов и определял, каков сектор обстрела у стоявших в амбразурах пушек.

Сам Петр подходил к этому как человек, изучающий устройство современной крепости вообще, но шведы по понятным причинам смотрели на дело несколько иначе. Для них Петр был монархом и военачальником – армия его отца осаждала Ригу всего сорок лет назад. Крепость, которую Петр так старательно осматривал и обмерял, как раз затем и воздвигли, чтобы защищать город от русских и не допускать их к берегам Балтики. Конечно, при виде того, как этот высокий молодой человек стоит на крепостном валу с блокнотом или что-то измеряет рулеткой, шведы тревожились. Существовала к тому же проблема его инкогнито. Однажды шведский часовой, заметив, что некий иностранец срисовывает в блокнот детали укреплений, приказал ему убираться. Петр не обратил внимания и продолжал свое занятие. Швед прицелился из мушкета и пригрозил, что будет стрелять. Петр пришел в ярость, задетый не столько оскорблением своего царского величества, сколько нарушением гостеприимства. Лефорт в качестве первого посла выразил протест Дальбергу. Шведский генерал-губернатор, как бы он лично ни относился к рекогносцировкам его укреплений, принес извинения и заверил посла, что в этом недоразумении не было умышленной неучтивости. Лефорт принял объяснения и согласился, что не следует наказывать солдата, который только выполнял свой долг.

Однако же отношения между хозяевами-шведами и русскими гостями все ухудшались. Дальберг попал в затруднительное положение. Великое посольство России не было официально аккредитовано при шведском дворе. Вдобавок то обстоятельство, что царь фактически находился в Риге, но не желал, чтобы его присутствие было означено, порождало щекотливые протокольные проблемы. Вот почему Дальберг неукоснительно соблюдал все правила вежливости, как того требовал протокол в отношении высоких послов соседнего государя, но не более того. Никаких увеселений не предусматривалось – ни банкетов, ни фейерверков, ничего из столь любимых Петром развлечений. Сдержанный, холодный шведский начальник попросту умыл руки и, как казалось русским, не обращал на них внимания. К тому же русское посольство направлялось не в саму Швецию, а лишь пересекало подвластные ей земли, и обычная практика, при которой принимающая сторона оплачивала расходы приезжих дипломатов, на него не распространялась. Поэтому послам предоставили самостоятельно платить за продовольствие и ночлег, за лошадей и фураж, причем платить по ценам непомерно высоким из-за неурожая и стремления рижских торговцев выжать из приезжих все, что только удастся.

Кроме этих поводов для недовольства, Петру все сильнее докучали толпы зевак, приходивших на него поглазеть. Но наконец спустя неделю лед сошел и появилась возможность перебраться через реку. Дальберг постарался устроить своим гостям шикарные проводы. Суда с желто-синими шведскими королевскими флагами переправили русское посольство на другой берег под грохот пушек, салютовавших с крепостных стен. Но было слишком поздно. Петр остался при своем убеждении, что в Риге гостей принимать не умеют и допускают по отношению к ним низости и оскорбления. Прямо противоположные впечатления от дальнейшего путешествия только укрепили Петра в этом мнении. В большинстве городов, где он побывал после Риги, его приветствовали царствующие особы, и хотя царь упорно продолжал скрываться под чужим именем, все эти курфюрсты, короли и даже австрийский император всегда находили способ встретиться с ним неофициальным образом, устроить пышный прием и оплатить его счета.

Петр до того невзлюбил Ригу, что через три года, когда ему понадобился предлог, чтобы начать Северную войну, он припомнил шведам грубый прием, который был ему здесь оказан. А спустя тринадцать лет, когда русские войска окружили город и началась осада, приведшая к его падению и включению больше чем на два столетия в состав Российской империи, первые три выстрела из пушки по Риге произвел сам Петр. «Так, – писал он Меншикову, – Господь привел увидеть начало нашего отмщения сему проклятому месту».

* * *

Переправившись через Двину, Петр очутился в герцогстве Курляндском, столица которого, Митава, лежала в тридцати милях к югу от Риги. Будучи номинально вассалом польского королевства, Курляндия отстояла достаточно далеко от Варшавы, чтобы вести, по сути, независимое существование, а при тогдашнем распаде Польши герцог Курляндский и вовсе стал сам себе хозяин. Уж тут-то и речи быть не могло об ошибке наподобие той, что совершил в Риге Дальберг. Царь есть царь: его инкогнито уважали, но ни у кого не должно было быть сомнений, кто он такой. И, хотя герцогство не отличалось богатством, герцог Фридрих Казимир почтил посольство пышным приемом. «Повсюду держали открытый стол, звучали трубы и другая музыка, сопровождая застолье и неумеренные возлияния, как будто Его царское Величество – второй Бахус. Я еще не видывал таких пьяниц», – писал один из министров герцога. Среди собутыльников особенно отличался Лефорт. «Опьянение никогда не побеждает его, и он всегда сохраняет трезвость ума». Иностранцы шептались между собой, что русские – это всего лишь «крещенные медведи».

Зная, что царь – большой любитель водной стихии, герцог Курляндский постарался зафрахтовать яхту, чтобы гость проделал следующую часть своего пути по морю. А путь лежал в Кёнигсберг, город в крупном и могущественном северогерманском курфюршестве (княжестве) Бранденбург. В городе весьма кстати оказался сам курфюрст, Фридрих III, поспешивший приветствовать царя. Фридрих принадлежал к честолубивому дому Гогенцоллернов и вынашивал обширные замыслы относительно себя самого и своих владений. Он мечтал превратить свое княжество в сильное королевство под названием Пруссия и сделаться прусским королем, приняв имя Фридриха I. Титул он рассчитывал получить от правившего в Вене императора-Габсбурга, реально же усилить мощь государства можно было только за счет Швеции, чьи крепости и владения располагались по всему побережью Северной Германии. Фридриху не терпелось заручиться поддержкой России в противовес Швеции. И вдруг, словно прознав о его чаяниях, сюда прибыл сам царь с намерением пересечь земли Бранденбурга. Разумеется, Фридрих явился в Кёнигсберг встречать его.

Петр приплыл морем, ночью незаметно проскользнул в Кёнигсберг и сошел на берег. Он поселился в скромном доме и нанес курфюрсту частный визит. Первая беседа продолжалась полтора часа – речь шла о кораблях, артиллерии и мореплавании. Потом Фридрих пригласил Петра на охоту в свою загородную резиденцию, где они вместе

наблюдали, как стравливали двух медведей. Петр несколько обескуражил хозяев игрой на трубе и барабане, но его любознательность, живость и дружелюбие произвели хорошее впечатление.

Через одиннадцать дней верхами и в повозках подъехало Великое посольство, следовавшее по суше. Петр из окна следил за тем, как его встречали. Фридрих выделил послам круглую сумму на расходы и дал по случаю прибытия посольства великолепный обед, за которым последовал фейерверк. Петр присутствовал на празднике, одетый, как и другие молодые дворяне из посольской свиты, в алый кафтан с золотыми пуговицами. Позже Фридрих признавался, что с трудом сохранил невозмутимое лицо, интересуясь у послов, согласно букве протокола, как поживает царь и в добром ли здравии они его оставили.

На переговорах Фридрих стремился продвинуть идею о возобновлении былого союза, заключенного некогда царем Алексеем с Бранденбургом против Швеции но Петр, по-прежнему воевавший с Турцией, не желал совершать никаких шагов, могущих задеть шведов. Наконец, беседуя на борту яхты Фридриха, монархи порешили заключить новый договор, предусматривавший в самом общем смысле взаимную помощь сторон против общих врагов. Фридрих также просил царя поддержать его старания сделаться королем. Петр согласился оказать послам курфюрста в Москве прием такого же уровня, какого удостоили его послов в Бранденбурге. Это было не так уж много, но все-таки годилось, чтобы придать вес притязаниям Фридриха в Вене, перед австрийским императором.

Как ни спешил Петр поскорее отправиться в Голландию, пришлось ему задержаться в Кёнигсберге, покуда не прояснилось положение в Польше. Со смертью Яна Собеского в июне 1696 года польский престол опустел, и в борьбу за него вступили два претендента – курфюрст Саксонский Август и ставленник Людовика XIV принц Конти из династии Бурбонов. Россия, Австрия и большинство германских государств резко воспротивились избранию Конти. Водворение короля-француза на польский трон означало бы немедленный выход Польши из войны с Турцией, франко-польский альянс и распространение французского влияния в Восточной Европе. Петр готов был драться, лишь бы помешать этому, и выдвинул русские войска к польской границе. Какое-то время исход дела оставался туманным, стороны продолжали лавировать, а сейм все еще не собрался голосовать, так что Петр решил переждать, прежде чем следовать дальше на запад. А пока он знакомился в Кёнигсберге с разными интересными вещами. С полковником Штрельтнером фон Штернфельдом, главным генерал-инженером армии Бранденбурга и специалистом в артиллерийском деле, он осваивал теорию и практику баллистики. Царь стрелял по мишеням из пушек разного калибра, а фон Штернфельд корректировал огонь и объяснял Петру, в чем его ошибки. Позже фон Штернфельд выписал свидетельство, подтверждающее познания и мастерство его ученика, Петра Михайлова.

К сожалению, в Кёнигсберге, как и в Риге, не обошлось без неприятностей. На этот раз причиной стало не любопытство, а скорее вспыльчивый нрав царя. В день своих именин (для русских более важное событие, чем день рождения) Петр ожидал визита Фридриха и собирался устроить в его честь свой собственный фейерверк. Но Фридрих не оценил должным образом значение этого дня и покинул Кёнигсберг, чтобы встретиться с герцогом Курляндским. На праздник к царю он отрядил вместо себя нескольких министров. Когда Петр понял, что Фридрих не появится, он воспринял это как жестокую обиду, публичное оскорбление – и не скрыв своей досады от представителей курфюрста, громко сказав по-голландски Лефарту: «Курфюрст добр, а его советники – дьяволы». Тут царю показалось, что один из министров улыбнулся. Он в ярости набросился на бранденбуржца с криком «Иди, иди!» и вытолкнул того прочь из комнаты. Позже, когда гнев его немного остыл, Петр написал письмо «дражайшему другу» Фридриху. По сути это было извинение, но с привкусом уязвленного самолюбия. Покидая Бранденбург, Петр снова постарался загладить неловкость и послал Фридриху большой рубин.

В середине августа, когда Петр находился в Кёнигсберге уже семь недель, стало известно, что в Варшаву прибыл Август Саксонский, наконец-то избранный польским королем. Петр был доволен таким исходом и рвался отплыть в Голландию, но присутствие французской военной эскадры в Балтийском море заставило его изменить планы: он не горел желанием попасть на судно под флагом с белыми лилиями, да еще против своей воли. Разочарованному Петру оставалось одно – ехать сушей, через владения курфюрста Бранденбурга и Ганновера.

К его огорчению из-за того, что сорвалось морское путешествие, прибавилась новая забота, связанная с сухопутной поездкой: вдоль всего пути его следования люди стремились увидеть царя. Посольство так долго пробыло в Кёнигсберге, что весть о негласном присутствии Петра в его составе успела разойтись по всей Европе, повсеместно вызывая волнение и любопытство: московский царь, повелитель загадочной, диковинной страны, путешествовал по Европе и можно было на него посмотреть и подивиться. От подобных знаков внимания Петр выходил из себя.

Он тайно покинул Кёнигсберг и велел кучеру погонять, в надежде проскочить незамеченным. Так он промчался через Берлин, откинувшись в глубь кареты, чтобы его не узнали. В общем, поспешность и скрытность позволили ему без задержки пересечь Северную Германию, но не помогли уйти от встречи с двумя неустрашимыми дамами, задумавшими во что бы то ни стало перехватить Петра. Дамы эти были София, вдова курфюрста Ганноверского, и ее дочь София Шарлотта, супруга курфюрста Бранденбурга. Обе курфюрстины жаждали своими глазами увидеть царя, о котором были столь наслышаны. Особенно сгорала от любопытства младшая из дам. София Шарлотта, которая навещала свою мать в Ганновере, когда ее муж, курфюрст Фридрих, принимал Петра в Кёнигсберге. Она рассчитывала увидеться с ним в Берлине и теперь, твердо решив перехватить его на подъезде к Ганноверу, посадила мать, братьев и детей по экипажам и помчалась поджидать русских путешественников в городок Коппенбрюгге. Она едва поспела туда раньше Петра и тотчас отправила камергера пригласить царя на обед.

Сначала при виде громадной свиты обеих курфюрстин и толпы местных зевак, толпившихся у ворот, Петр отказался. Однако камергер настаивал, и царь поддался на уговоры при условии, что кроме Софии и Шарлотты с матерью на обеде будут присутствовать только ее братья и дети и еще самые важные из его русских сопровождающих. Когда его ввели к дамам, Петр споткнулся, покраснел и не мог раскрыть рта. Как-никак он впервые попал в общество образованных иностранных дам-аристократок; прежде его знакомство с представительницами Европы ограничивалось мещанками из Немецкой слободы – женами и дочерьми иностранных купцов и военных. К тому же эти две дамы заметно выделялись даже среди европейской знати. Шестидесятисемилетняя София Ганноверская была энергичная, здравомыслящая, дельная правительница, и ее владения в Северной Германии благополучно процветали. Через несколько лет после свидания с Петром ее, как внуку английского короля Якова I, британский парламент выберет преемницей королевы Анны, дабы обеспечить протестантское правление в Англии⁶⁰. Ее дочь, двадцатидевятилетняя София Шарлотта Бранденбургская, тоже обладала незаурядным умом и блистала во всех дворах Северной Германии. Одно время она была нареченной невестой внука Людовика XIV, герцога Бургундского, но политические обстоятельства заставили его жениться на Марии Аделаиде Савойской. Два года София Шарлотта прожила в Версале, где ее остроумием и красотой восхищался Король-Солнце. Она получила хорошее образование – сам Лейбниц был не только ее наставником, но и другом. Об очаровании Софии Шарлотты говорит уже то, что ее муж, построивший для нее дворец Шарлоттенбург в Берлине, питал к ней самую искреннюю любовь. И хотя из почтения к августейшему примеру, который

⁶⁰ Софии так и не довелось надеть британскую корону. Она умерла раньше, чем королева Анна, и оба ее титула – ганноверский и английский – перешли к ее сыну, Георгу Людовигу, который и правил одновременно как курфюрст Ганноверский и английский король Георг I.

подавал более скромным монархам Людовик XIV, Фридрих тоже обзавелся фавориткой, ему куда больше нравилась его прелестная и умная жена.

Оказавшись в компании этих благовоспитанных элегантных дам, Петр закрыл лицо руками и пробормотал по-немецки: «Я не могу говорить». Увидев, что гостю не по себе, София Шарлотта и ее мать помогли ему оправиться от смущения; усадили его за стол, сами сели от него по обе стороны и непринужденно с ним заговорили. Вскоре его робость прошла и он так разговорился, что дамы наперебой старались завладеть его вниманием. Обед длился четыре часа, а курфюрстины засыпали его все новыми вопросами, но наконец София Шарлотта, боясь, как бы царь не заскучал, велела позвать музыкантов. Начались танцы. Поначалу Петр не хотел танцевать и говорил, что у него нет перчаток, но дамы опять сумели его переубедить, и скоро он уже с удовольствием отплясывал. Кружась с ними по залу, он почувствовал под рукой что-то странное и, не ведая, что то были пластины китового уса в корсетах, прокричал своим товарищам: «У немецких дам чертовски жесткие кости». Дамы пришли в восторг. Петр веселился от души: этот прием был куда приятнее вечеринок в Немецкой слободе и даже лучше шумных пиров Всешутейшего собора! Он готов был обнять весь мир. Он велел своим карликам тоже участвовать в танцах. самого любимого из них он целовал и щипал за ухо. Он расцеловал в макушку десятилетнюю Софию Доротею, будущую мать Фридриха Великого, смяв ей бант. Он обнимал и целовал четырнадцатилетнего принца Георга, который впоследствии стал королем Георгом II Английским.

Весь вечер обе курфюрстины пристально наблюдали за царем и нашли, что он вовсе не такой уж дикарь и варвар, каким рисует его молва. «Мне понравилась его естественность и непринужденность», – писала София Шарлотта. Grimасы и судороги, уродовавшие его лицо, оказались не так сильны, как они ожидали, но, как сочувственно прибавила София Шарлотта, «удержаться от некоторых из них не в его власти».

Старшая курфюрстина, знавшая толк в мужчинах, подробно описала и этот вечер, и самого гостя: «Царь очень высокого роста, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы. Мы тотчас же сели за стол. Коппенштейн, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это его очень затруднило: вместо салфетки в Бранденбурге ему подавали после стола кувшин. Он был очень весел, очень разговорчив, и мы завязали с ним большую дружбу. Моя дочь и его величество поменялись табакерками... Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать. Моя дочь заставила своих итальянцев петь, их пение ему понравилось, хотя он нам признался, что он не очень любит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы. После ужина его величество велел позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы, которые я предпочитаю польским...его общество доставило нам много удовольствия. Это человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не видев его. У него очень доброе сердце и в высшей степени благородные чувства. Я должна вам также сказать, что он не напился допьяна в нашем присутствии; но, как только мы уехали, лица его свиты вполне удовлетворились.

...Это – государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер – совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума». Петр выразил свое удовольствие от этого вечера, послав каждой из принцесс по сундуку русских соболей и парчи. Затем немедленно уехал, не дожидаясь основного посольства: впереди, всего лишь в нескольких милях вниз по Рейну, лежала Голландия.